

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

РИНАТ ТАШТАБАНОВ

МЕТРО 2035

**ВОСКРЕШАЯ
МЕРТВЫХ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т25

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя, запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*
Главный редактор проекта — *Вячеслав Бакулин*

Оформление серии — *Павел Бондаренко*
Фотограф — *Сергей Спялов*

Таштабанов, Ринат Равилеевич.

Т25 Метро 2035: Воскрешая мертвых: [фантастический роман] /
Ринат Таштабанов. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
384 с. — (Вселенная метро 2035).

ISBN 978-5-17-109044-9

Его зовут Сергей.

Когда-то он был снайпером и одним из лучших чистильщиков Убежища
находящегося в Подольске. Но его предали и распяли.

В тот страшный день Сергей должен был погибнуть, но его спасли. Потеряв всё, он обрёл новый дом. Он хотел бы забыть прошлое, но оно идёт за ним по пятам. Смерть дышит в затылок, а мертвые каждую ночь взывают к отмщению. Единственный шанс все исправить — уничтожить всех, кто приколачивал его к кресту. Только так Сергей обретет спокойствие в душе. Но выживет ли он в грядущей бойне?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109044-9

© Глуховский Д.А., 2018
© Таштабанов Р.Р., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Тень и Тьма, навеки вместе,
Не зови их в смертный час,
Человек, чей час отмерен,
Кем-то свыше, в небесах.
Лишь немногие под солнцем,
В силах путь свой начертать,
Выбрав боль и пытки тела,
Чтобы мы могли дышать...*

Пролог

2033 год. Окраины Подольска. Зима. Раннее утро

Черный ворон, сидя на верхушке иссохшего, точно воздевшего в мольбе к хмурым небесам руки-ветки дерева, замечает, что по зажёвшему руслу реки Пахры движется до зубов вооруженный отряд.

Птица, стараясь не сорваться с ветви, из-за порывов сильного ветра, поворачивает голову, провожая черными глазами-бусинами десять человек в ОЗК и накинутых поверх защитных костюмов белых маскхалатах. На рукаве каждого, нашивка — сжатый кулак на черном фоне — знак чистильщиков — лучших бойцов Убежища при Подольской городской клинической больнице.

Из переговорных мембран тупых противогазных харь доносится хриплое, надсадное дыхание. Круглые линзы «хомяков» и «Нерехт» напоминают пустые провалы глазниц выбеленных от времени черепов, и из-за этого кажется, что по руслу реки идут внезапно ожившие мертвецы. За спину бойцов закинута снегоступы. Руки в перчатках сжимают оружие — «семьдесят четверки», пару РПК и тупорылые «укороты».

Чистильщики идут быстро, часто переходя на бег, вгрызаясь шипами «ледоходов» — зубастых металлических пластин, примотанных ремнями к бахилам ОЗК, в лёд. В голове каждого бойца свербят мысли: «Быстрее! Еще быстрее! Мы должны успеть догнать эту тварь!»

Ненависть, сдобренная изрядной порцией страха, из-за случившегося минувшей ночью события, когда кто-то неведомый в одиночку вырезал трех бойцов на фишке, прошел через все охранные посты,

снял с креста распятого накануне снайпера и забрал его с собой, придаёт чистильщикам сил. Становится топливом, питающим надорванные мышцы и измотанные тела, заставляя преследовать беглецов за гранью человеческих сил.

«Вот только бы каннибалы не объявились, — думают бойцы. — Только их до кучи не хватает!»

Чистильщики озираются по сторонам, стараясь хоть что-то рассмотреть сквозь снег. Они явно не поспевают за своим командиром — рослым широкоплечим бойцом с «Грозой» в руках, идущим впереди группы как хорошо смазанный механизм.

Ледяной ветер, пронзительно завывая, точно насмехаясь над людьми, швыряет комья снега в лица. Валит с ног, заставляя чистильщиков пригибаться и очищать линзы противогозлов от налипшего крошева. То и дело слышится сдавленный хрип и мат.

— Быстрее там! Чё вы как дохлые? Жопами шевелите! — повернув голову, бросает на ходу командир. — Эта тварь не могла утащить Тень далеко! Следы от волокуши еще не замело. Если мы поторопимся, то догоним их!

Преследователи ускоряются. Обходят нагромождения ледяных глыб. Внезапно сутулый боец, замыкающий отряд, охает, провалившись ногой в трещину во льду, которую он не заметил под тонким слоем снега.

— Твою-то мать! — шипит чистильщик. Опираясь на РПК, он выдёргивает ногу и пытается сделать шаг. — Бля... — корчась от боли, боец падает на спину, — чтоб тебя!..

Чистильщики останавливаются, берут оружие на изготовку и занимают круговую оборону.

— Митяй! — кричит один из бойцов.

Командир поворачивается, замечает чистильщика, обхватившего ногу руками, глухо матерится и быстрым шагом подходит к группе.

— Вставай, сука! — приказывает Митяй лежащему на снегу человеку.

Чистильщик хрипит:

— Не могу! Нога огнем горит! Наверное, вывихнул или сломал!

— Я сказал, вставай, тварь! — орет Митяй, со всей дури пиная бойца под рёбра. Тот охает, хватается рукой за бок. — Тормоз долбанный! — ярится Митяй. — Ньюни как баба распустил! Если из-за тебя мы упустим Тень, — Митяй наставляет «Грозу» на бойца, — я тебя лично урою! Ты понял меня, Горб! Или ты думаешь, мы тебя на себе потащим?!

Боец часто кивает:

— Я дойду, только помогите подняться!

Уловив взгляд Митяя, два бойца бросаются вперёд и, подхватив Горба под мышки, ставят его на ноги. Чистильщик делает шаг, но снова шипит от боли.

Митяй замахивается, но, видимо передумав, рывкает:

— Молчун, Жердь! Остаётесь с этим мудаком! Чините ему ногу, меня не волнует, как вы это сделаете! Шину наложите, промедолом заколите, но чтобы через десять минут он был в строю. Потом договняете нас. Если он не сможет идти, — Митяй пристально смотрит в расширенные глаза чистильщика, — то приказываю его бросить, нет времени с ним возиться!

Митяй вплотную подходит к Горбу. Смотрит на него испепеляющим взглядом.

— Вечно с тобой какая-то хрень случается! — Митяй хватая бойца за лямку разгрузки, рывком разворачивает его на сто восемьдесят градусов, вытягивает руку, тыча в серо-белую хмарь. — Там наша цель! А ты козёл, только пор...

Митяй не успевает договорить. Сквозь ветер доносится пронзительный свист, затем раздаётся глухой удар и из груди Горба, пробив бронезилет, показывается окровавленный оголовок толстого арбалетного болта.

Бойцы, не дожидаясь команды, вместе с Митяем, который прикрывается телом чистильщика, валятся в снег, открывают беспорядочный огонь из автоматов и пулеметов. Сочно лязгают затворы. В снег падают дымящиеся гильзы.

— Прекратить пальбу! — орет Митяй. — Во что шмаляете, черти?! Я ни хрена не вижу!

Чистильщики прекращают огонь, озираются по сторонам, пытаются хоть что-то разглядеть сквозь слепящий снег.

— Митяй, что это было? Что за муйня? — шепотом спрашивает Жердь. — Откуда стреляли?

— Черт его знает! — злится Митяй. — Прилетело по ходу движения! У потрошителей такого оружия нет, значит, стрелял тот, кто снял Тень с креста.

Раздаются несколько тихих голосов:

— Командир, а дальше чего делать-то будем? Ни хрена не видно, а тепловизора нет.

— Бдим! Смотрим на триста шестьдесят. Головы не поднимаем! — цедит Митяй. — Жердь, — приказывает чистильщик, глядя на его АКС-74У, — «огрызок» в сторону, бери пулемёт Горба и прикрываешь меня. Живо!

Боец кивает, откладывает автомат, хватает РПК, ставит его на сошки и, приставив приклад к плечу, берет на прицел русло реки. Остальные чистильщики лежат, прислушиваясь к звукам разыгравшейся бури. Митяй перекатывается. Сделав два оборота, он разворачивает тело Горба поперёк и прячется за ним. Поёрзав, Митяй приминает под собой снег и, просунув ствол «Грозы» под руку трупа, чуть приподнимает её, глядя в образовавшуюся щель как в амбразуру.

«Что это за хрень? Не видно ни зги! — думает Митяй, чувствуя, как кто-то невидимый зло смотрит на него из снежной хмари. — По ходу, теперь мы не охотники, а дичь. Полная жопа!»

Митяй до рези в глазах всматривается вперед, надеясь, хоть что-то рассмотреть сквозь завитки снежных вихрей. На мгновение ему кажется, что где-то впереди промелькнула серая тень — размытое пятно, передвигающееся огромными скачками. Ствол «Грозы» смещается правее, упираясь в пологий скат берега.

— Цель справа! — шипит Митяй. — Жердь, готовсь! Цепь и Сорок Седьмой прикрываете его! Молчун, правый фланг пасёшь, остальные левый и тыл. Ждем! Там на берегу что-то есть!

Проходит тридцать секунд. Минута. Вторая. Третья. Ничего не происходит, только ветер свистит, царапая ледяными когтями маскхалаты. Каждый из бойцов думает: «Что же это за тварь такая, которая не боится нас — чистильщиков, и готова в одиночку противостоять целому отряду? Или... она там не одна?..»

Неизвестность хуже смерти. Даже опытному бойцу невыносимо лежать и ждать, думая о том, что нечто странное, невидимое и опасное, притаилось там — впереди. Нервы чистильщиков натянуты как струна. Глухо стучат девять сердец. Тук. Тук. Тук...

Неожиданно встрепенулся Молчун.

— Опа, — шепчет чистильщик, заметив сгорбленный силуэт, вроде как скользнувший за деревьями метрах в тридцати от него, — это что еще за хрень?

Боец прицеливается, пытаясь унять дрожь в окоченевших руках.

— Видно чего? — шепотом спрашивает Молчуна Цепь — боец, получивший свое погоняло за то, что вместо ремня любит подпоясываться куском тонкой цепи.

Молчун мотает головой.

— Неа, — бурчит чистильщик, — показалось, наверное. Ветер, вона как метёт.

Молчун чуть приподнимает голову, выглядывая из-за куска льда. Секунда, слышится щелчок, свист, и в глазницу человека, про-

бив череп насквозь, вонзается арбалетная стрела. Молчун, обмякнув, утыкается противогазной харей в снег, который быстро окрашивается алым.

— Сдохни, тварь! — орет Цепь, открывая огонь по береговой линии. К нему присоединяются остальные чистильщики, щедро поливая свинцом стволы деревьев и одинокие кусты. Пули, впиваясь в берег, выбивают фонтанчики снега. Только Митяй, не обращая внимания на пальбу, глухо сопя, внимательно наблюдает за обстановкой, лихорадочно соображая, сколько врагов их окружило.

— Там! Оно там, позади нас! — истошно орет один из бойцов, указывая рукой на русло реки. — Я видел его!

— Я отстрелялся! — кричит Жердь.

— Жердь! Держишь тыл! — приказывает Митяй. — Сорок Седьмой с ним! Остальные, фланги!

Боец берёт пулемёт, отползает назад. Мозг выстреливает команды: «Быстрее! Еще быстрее!».

Щелчок. Смена магазина на новый. Замёрзшие пальцы не слушаются. Лязгает затвор. Жердь водит стволом РПК из стороны в сторону, выискивая цель.

«Давай, выходи, тварь, — думает чистильщик, не осознавая, что за ним внимательно наблюдают, — мне есть чем угостить тебя!»

Ствол пулемета, как живое существо, шарит черным зрачком в пространстве.

Неожиданно слева раздаётся свист и в бок бойца вонзается толстый, сделанный из арматуры болт. Жердь дёргается, хрипит, сгибается, и инстинктивно давит на спусковой крючок РПК, вбивая пули в лежащего рядом Сорок Седьмого.

На секунду над рекой повисает пронзительный человеческий крик, но его забивает грохот пулемета. Пули рвут тело уже мертвого бойца, выбивая кровавые фонтанчики из спины, пока подползший Митяй, выстрелив в голову Жерди, не прекращает его агонию.

— Сколько их?! Что это за твари?! — кричат чистильщики, паля во все стороны.

— Надо отходить!

— Нас всех здесь положат!

— Харэ глотки драть! — осекает бойцов Митяй. — Лежать всем! Круговая оборона!

Бойцы подчиняются, меняют пустые магазины, щелкают затворами. Ждут. Молятся. Надеются. Верят...

Ветер усиливается. Не даёт поднять головы, рвёт маскхалаты, заметаает чистильщиков снегом. К Митяю подползает Цепь.

— Командир, чего мы дальше делать-то будем? Нас как в тире кладут!

Митяй молчит, пытаясь взвесить на одной чаше весов приказ Колесникова — любой ценой догнать Тень, ненависть к снайперу, которого он собственноручно распял, а на другой — желание жить. Чувство самосохранения перевешивает.

Митяй громко, так чтобы его смог услышать спаситель (или спасители?) Тени, орет:

— Мы отходим и возвращаемся в Убежище!

Чистильщики поворачивают головы. Митяй видит удивленные глаза Цепи.

— А чего мы Бате скажем?! — повышает голос боец. — Он же нас за неисполнение приказа на лоскуты порежет!

Митяй смотрит на окоченевшие трупы товарищей, почерневший от крови снег и точно харкает:

— Правду, как ни странно, она нас спасет. Тела заберём с собой!

— Как?! — горячится Цепь. — Мы высунемся и сдохнем!

Митяй сопит, затем, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд, кричит:

— Слышь! Кто бы ты ни был, мы уходим! Мы не будем вас преследовать! Только позволь нам забрать тела, чтобы похоронить по-человечески!

Митяй опускает оружие. На секунду задумавшись, боец медленно, явно пересиливая себя, поднимается. Не обращая внимания на предупреждающие возгласы, чистильщик вглядывается в серую хмарь, словно пытаясь увидеть в ней арбалетчика.

Митяй не подозревает, что стрелок, стоя метрах в сорока от него и обладая способностью видеть тепловое излучение живых существ, держит его на прицеле, целясь в голову из огромного, неподъемного для обычного человека арбалета.

Сердце Митяя глухо стучит в груди, взламывает ребра, а внутренний голос тем временем вопит: «Ложись, идиот! Спрячься, если хочешь жить! Ты сдохнешь!»

Митяй матерится на себя, затыкая рот трусливой сущности, и чувствует, как страх уступает место азарту. Каратель вслушивается в шум ветра, стараясь уловить хоть один подозрительный звук. Палец пляшет на спусковом крючке.

«Ну, тварь! — думает Митяй. — Покажи себя! Что же ты такое?!»

Чистильщику хочется вскинуть «Грозу» и шмальнуть из подствольника осколочным «подкидышем». Ветер бьёт в спину человека, пригибает к насту. Ярость уступает место холодному расчету. Митяй кричит:

— Я знаю, что ты смотришь на меня! Мы договорились, или как?

Если бы Митяй обладал таким же острым слухом, как мутант, то он мог бы услышать, что стрелок, опустив арбалет, едва слышно произносит:

— Повезло тебе сегодня, тварь человеческая! Живи пока. Ты еще встретишься с Тенью.

Мутант, накинув на голову капюшон накидки, ведет окровавленной пятерней по котомке, переброшенной через плечо, из которой раздается тихое ворчание.

— Ведь так, Лад? — спрашивает стрелок у сидящего в ней существа.

Из котомки доносится сопение и сдавленный вздох, перемежающийся невнятным бормотанием.

— Согласен, так и сделаем, — мутант, не сводя взгляда с озирающегося по сторонам Митяя, пятится, затем резко, огромным скачком отпрыгивает в сторону и точно растворяется в снежном вихре...

Часть первая

Помни

Глава 1

Хлыщ

Подольск. Убежище. За несколько часов до погони

— Игорь Владимирович! — дверь в бокс начальника Убежища распаивается и в помещение, отшвырнув отчаянно жестикулирующего глухонемого парня — прислужку Колесникова, врывается начальник СБ. — Да отстань ты, урод! — орет Арсеньев, захлопывая дверь перед носом Игоря. — Не до тебя сейчас! Игорь Владимирович! — продолжает эсбешник, пытаясь дрожащими руками закрыть засов, — Тень пропал! — Дмитрий, наконец, щелкает задвижкой, поворачивает голову, смотрит на Колесникова и выпаливает: — Кто-то снял его с креста!

Батя, опершись на пудовый кулак, с трудом приподнимается с кушетки. Проведя рукой по лысой голове, Колесников усиленно растирает пальцами заспанные глаза.

— Чего? — выдавливает Батя.

— Да Тень, мать его, исчез! — горячится Арсеньев. — Еще троих на фишке кто-то грохнул. Хлыщ чего-то видел и...

— Давай по порядку! — рывкает Колесников, обрывая эсбешника. — Садись, не маячь и рассказывай, что с Тенью? Кто погиб?

— Да, я и говорю, — тараторит Дмитрий, опускаясь на табурет. — Тень кто-то снял с креста, убил Витька, Хвата и Дыма. Хлыщ только выжил, и то непонятно как, мутно всё.

Колесников хмурится, на скулах играют желваки. Чувствуется, что Батя хочет выматериться, но он лишь тихо спрашивает:

— Так что, Тень выжил, после того как мы его распяли, и его кто-то спас? Кто об этом знает?

Эсбешник теряется.

— Да.. в общем, никто, — тянет Дмитрий, — я, Митяй, несколько чистильщиков, еще пара бойцов, которые на герме стоят, могли чего-то услышать. Я сразу к тебе побежал.

— Смотри, чтобы они держали язык за зубами, — цедит Колесников, поднимаясь с кушетки, — а то я им лично языки поотрываю, а с тебя спрошу! Нам только разговоров всяких не хватало! Того и гляди, святоша наш, малахольный этот, Тень в мученики, как Христа, загишет. Кто его спас?

Эсбешник силится открыть рот. В этот момент из-за двери доносится шум возни, слышатся громкие голоса. Раздается стук. Дмитрий, уловив взгляд Колесникова, срывается со стула и отпирает засов. Дверь распаивается и на пороге застывает дюжий боец, держащий впереди себя мужчину лет пятидесяти, с накинута на шею удавкой и лицом, залитым кровью.

— А, Митяй! Заходи! — Колесников машет рукой. — И падлу эту заводи!

Митяй вталкивает Хлыща в бокс. Снимает с его шеи удавку и, коротко размахнувшись, резко бьёт разведчика кулаком в правый бок.

Хлыщ охает и валится на пол.

— Вставай, тварь! — орет Митяй, пиная стонущего бойца в живот. — Нечего здесь разлёживаться!

— Оставь его! — приказывает Колесников. — А то говорить не сможет. Башку ты ему разфигачил?

— Нет, — мотает головой Митяй, закрывая дверь в бокс, — таким на «фишке» нашли. Дежурный услышал снаружи выстрел, сообщил, а мы решили проверить, что да как. Вышли, Тени на кресте нет, только огромные следы рядом, точно топтался кто-то. Двинули на точку, там ребята, как раз за больничной площадью должны были следить, а там три трупа — Дыму и Хвату горло от уха до уха перерезали, Витьку в глаз выстрелили, а Хлыщ с разбитой головой валяется, вроде как без сознания. Мы его растолкали, а он туфту нам какую-то вгоняет, про мутанта огромного, который всех убил.

— Мутанта? — удивляется Колесников. — Что ещё за мутант?

— Да хрен его знает! — выпаливает Митяй. — Я вот что думаю, пока мы тут разговариваем, Тень кто-то по поверхности тащит. Время работает против нас. Вы пока Хлыща допросите, а я ребят подниму и в погоню двину, а то... — уловив грозный взгляд Бати, чистильщик затыкается на полуслове.

— Торопись куда? — спрашивает Колесников. — Или может быть, мозги застудил?! — Батя повышает голос. — Чего жопу рвать,

в бурю идти, без плана, без подробностей! А если там отряд каннибалов ошивается?! Или, ещё какая хрень? Чего делать будете, а? Сколько бойцов надо, оружие какое брать? На рожон лезть, нахрапом, как ты любишь, в силах тяжких? Эээ... нет, сначала прощупать надо, продумать всё, а потом по уму действовать! Забыл, чему я тебя учил? Тень пропал, а ребят кто-то убил — это факт, а кто это сделал, мы не знаем! Отсюда и плясать будем. А Тень никуда не денется. Поймём, кто его спас, будем знать, как действовать.

— Так я и говорю, — вворачивает Митяй, — мутант-то один, что, мы с ним не справимся?

— Пусть Хлыщ сам расскажет, что было! — рывкает Колесников. — А я послушаю.

Митяй резко поднимает валяющегося на полу Хлыща, швыряет его на стул, стоящий в углу. Разведчик утирает кровь с лица, зло смотрит по сторонам, переводя взгляд с Бати на эсбешника, затем снова на Митяя.

— Чего зришь как сын? — Колесников, уперев кулак в столешницу, хмурится. — Говори, давай!

— А чего рассказывать? — Хлыщ исподлобья смотрит на Батю. — Митяй уже всё изложил.

— Правду! — рывкает Колесников. — Что было, чего не было. Ты же в друзьях у Тени числился. С чего нам тебе на слово верить? А чтобы ты вспоминал быстрее, запомни, — Батя сверлит глазами разведчика, — от того, поверю я тебе или нет, зависит, доживешь ли ты до утра. Усёк?

Хлыщ кивает.

— Да понял я, — разведчик растирает шею с багровым следом от удавки, понимая, что ему придется пройти по лезвию бритвы. — Мы с Витьком на Краснухе, на точке моей сидели, с дальняков шли, нас буря накрыла, — быстро начинает Хлыщ, — вот мы и решили её переждать, прежде чем домой возвращаться.

Разведчик, лоя на себе внимательные взгляды, продолжает:

— Пока сидели, Витька увидел в окно чего-то или кого-то, пальнул из автомата, целую очередь выпустил, а в ответ арбалетный болт прилетел. Прямо в раму засандалило.

— Стрела? — удивляется Митяй. — Вы чё, грибов там с Витьком на пару пережрали?! Может быть, ещё и эльфов с гномами видели?

Хлыщ сжимает кулаки, поворачивает голову, смотрит на Митяя.

— Если ты такой умный, то сходи сам и проверь, — цедит разведчик, — болт до сих пор там валяется и гильзами всё засыпано.

— Ах ты, сука! — Митяй подпрыгивает с места и замахивается.

— Остынь! — останавливает его Колесников. — Не время сейчас морды курочить! Успеешь ещё!

Митяй нехотя подчиняется. Возвращается на место, едва слышно бросая на ходу:

— Я с тобой опосля потолкую, а то, смотрю, ты слишком борзый стал.

Хлыщ пропускает слова чистильщика мимо ушей, открывает рот, но его опережает эсбешник.

— Стрела говоришь, там, на точке осталась? — вкрадчиво спрашивает Дмитрий.

Хлыщ, хорошо зная повадки эсбешника и понимая, что его будут ловить на деталях, кивает.

— Да, там, я её из рамы выдернул и на пол бросил.

— А что за стрела, опиши её, — продолжает Дмитрий, поймав одобряющий взгляд Колесникова.

— Огромная такая, — не моргая отвечает Хлыщ, — тяжелая очень, сделана из толстого арматурного прута. Даже не представляю, каких размеров должен быть арбалет, чтобы выстрелить такой хренью, а тем более стрелок, явно — не человек.

Видя, что его внимательно слушают, разведчик продолжает:

— Мы с Витьком, как отстрелялись, на улицу из дома выбежали, а твари и след простыл, только следы огромные, словно кто-то длинными скачками передвигался. Мы по направлению поняли, что тварь рванула по проспекту Ленина к Убежищу. Двинули вслед за ней, чтобы ребят на фишке предупредить. Только в квартиру зашли, как что-то огромное дверь снесло и ворвалось вслед за нами. Ребята и пикнуть не успели. Меня сразу долбанули по голове и с силой швырнули об стену, толком не разглядел, кто это был. Хрень какая-то, похоже на человека, только гораздо больше. А что было дальше, я не знаю, очнулся, когда Митяй с бойцами на фишку зашел, а рядом три трупа. Дальше вы знаете.

Хлыщ тяжело дышит, глядя в глаза Колесникова, понимая, что от того, насколько его враньё было похоже на правду, зависит его жизнь. В боксе повисает звенящая тишина.

— Так ты толком не знаешь, кто снял Тень с креста? — после продолжительной паузы спрашивает Батя. — Ничего не видел, ничего не слышал, типа, провалялся без сознания, да?

— Верно, — отвечает Хлыщ, машинально ощупывая кровотокащий затылок, который он сам разбил об стену, после того как выстрелил Витьке в глаз.

— Ну-ну, — продолжает Батя, — очень удобно под шланга косить, только со мной этот номер не пройдёт! — По голосу чувствуется, что